

УДК 811.161.1'272'373

Ольга Игоревна Северская, к. филол. н.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

эл. почта: oseverskaya@yandex.ru

Olga Igorevna Severskaya, Cand. of Sc. (Philology)

Vinogradov' Russian Language Institute of RAS, Moscow, Russia

e-mail: oseverskaya@yandex.ru

«НОВАЯ ИСКРЕННОСТЬ» ПУБЛИЧНОГО ПОЛИТИКА С ПОЗИЦИИ ГОВОРЯЩЕГО И РЕЦИПИЕНТОВ

Дано определение «новой искренности» как речевой практики политического дискурса. Проанализированы факты коммуникативных неудач в результате диссонанса ценностей говорящего и реципиентов – журналистов и народа.

Ключевые слова: политический дискурс, «новая искренность», культурно-языковые стереотипы, аксиология взаимодействия власти и общества

«NEW SINCERITY» OF A PUBLIC POLITICIAN FROM THE POSITION OF THE SPEAKER AND RECIPIENT

The article defines «new sincerity» as a speech practice of political discourse and analyzes the facts of communicative failures as a result of the dissonance of the values of the speaker and the recipients – journalists and the people.

Key words: political discourse, «new sincerity», cultural and linguistic stereotypes, axiology of interaction between government and society

Темой исследования стала речевая модель «новой искренности», актуализировавшаяся в последние два десятилетия в российском публичном политическом дискурсе как своеобразный маркер реальных общественно-политических отношений. Дискурсивный анализ как публичных речей основных акторов политического процесса, так и их рецепции в СМИ и социальных сетях, позволил не только собрать впечатляющий материал путем ручной выборки и интернет-поиска, дополненного данными Национального корпуса русского языка, но и определить, как «новая искренность» оценивается самими говорящими и как она воспринимается журналистами, а через их посредство и аудиторией. Целью было исследование причин коммуникативных неудач в общении власти с народом и роли социокультурного контекста в возникающем при интерпретации диссонансе аксиологии речепорождения/речевосприятия.

Политическому дискурсу «новая искренность» досталась в наследство от речевых практик, сформировавшихся в философии, литературе и искусстве в конце 1980-х – начале 1990-х годов и провозгласивших отказ от постмодернистской иронии и цинизма. В России акцент был сделан на устранении разрыва между бытийным пониманием вещей и их официальной идеологической интерпретацией, на внимании, как это формулировал Д. А. Пригов, к проблемам «неисключительного человека в неисключительных обстоятельствах».

Можно утверждать, что в своих «по-новому искренних» высказываниях действующие российские политики в известной степени солидаризируются с «простыми людьми», ссылаясь на собственный опыт в решении тех или иных социальных проблем и тем самым позиционируя себя как «человека из народа». Однако адресат эту прагматическую установку не «считывает» и, напротив, улавливает в подобных высказываниях если не издевку, то иронию и цинизм или «профессиональную некомпетентность и человеческую ущербность». Различие оценок одного и того же высказывания говорящим и реципиентами объясняется наличием социокультурных стереотипов, в том числе стереотипа оценки отношения власти к социальным реформам как к самоцели, а не как к средству достижения высокого качества жизни населения страны.

Не случайно первоначальное высказывание политика часто сокращается в СМИ до ядра, транслирующего субстантивно выражаемую догму. Так, фраза экс-министра труда и занятости Саратовской области Натальи Соколовой, прозвучавшая во время обсуждения прожиточного минимума для неработающих пенсионеров (*Я могу составить вам меню, исходя из цен тех магазинов, которые сама посещаю, со скидками, и вы поймете, что прожить можно <...> Макарошки стоят всегда одинаково!*), превратилась в ставшие крылатыми «макарошки», нагруженные в речевой поп-культуре символическими значениями «бедности» (ср. в соннике: *Варили во сне макароны – возможна крупная потеря или бедность*) и «пренебрежения» (связанного с одним из возможных значений диминутива).

В других случаях выхваченные из исходного высказывания речевые клише могут уже адресатом объединяться в трансформе, превращающемся в результате вирусного распространения в СМИ и соцсетях в «крылатые слова», которые подменяют собой первосказание. В частности, фактами речевой культуры стали фразы *Денег нет, но вы держитесь!* и *Денег нет – идите в бизнес*, приписываемые экс-премьеру России Дмитрию Медведеву, но соединившие речевые элементы, актуализирующие психо-эмоциональные доминанты, которые соответствуют стереотипам «традиционного отказа в материальной помощи и поддержке» и «пустых слов-отговорок с нулем сочувствия» вне конкретной речевой ситуации.

Фактически автором подобных «крылатых слов» становится, исходя из собственного жизненного опыта и культурно-языковых стереотипов, адресат сообщения, а не обращающийся к нему политик. При этом «новая искренность» лишённого подтекста первоговорения с его серьёзной, доверительной интонацией гасится шуткой и иронией «соавторов» – журналистов, трансформирующих и варьирующих высказывание-источник.

Сама речевая практика «новой искренности» может быть определена как прагматически амбивалентная, а в установлении способов нейтрализации нежелательных для говорящего коннотаций просматривается перспектива дальнейших исследований.